

О СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЯХ САТУРНАЛИЙ

Л. А. Ельницкий

I. Сказка о золотом веке. Общеизвестно Гесиодово изображение золотого века, в котором царствовал Кронос—бог, правивший до Зевса; при нем были совершенно другие порядки, чем при Зевсе, совершенно другая жизнь. Человек был абсолютно свободен и ничем не утруждаем. Жизнь при Кроносе — ὁ ἔτι Κρόνος βίος — вошла у греков в поговорку.

Что же это, однако, была за жизнь, как греки ее себе представляли? Судить об этих представлениях мы можем главным образом лишь по сатирическим изображениям, сохранившимся в аттической комедии.

У Ферекрата¹, Кратеса² и Аристофана³, а также у Телеклида (у Афиня, кн. IV) находим мы карикатурные изображения «земного рая», в которых особенно упиралось на то, что в «золотом веке» не надо работать и можно есть все, что только пожелает душа.

Уже из этих злостных карикатур ясно, что мечты о «золотом веке» считались достоянием беднейших людей.

О том, что эти представления отнюдь не были болезненной фантазией тунаядцев, свидетельствует скупое изображение «золотого века», сделанное беотийским поэтом:

«Создали прежде всего поколение людей золотое.
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Были еще Кронос-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с покойной и ясной душою,
Доря не зная, не зная трудов, и печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебородные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства,—
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных,
Волей великого Зевса людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят,
Тьюмо туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась».

(Г е с и о д, Труды и дни, 109—126, перев. В. В. Вересаева)

¹ В комедиях Μεταλλῆς и Πέρσαι, Comic. Att. Fragm., I, 174, 182.

² В комедии Θηρία, Com. Att. Fragm., I, 133.

³ 'Εγκλησιάζουσαι («Женщины в народном собрании»).

Строки эти живейшим образом перекликаются с сохранившимися у многих древних и современных народов легендами о их «блаженном и невозвратном прошлом» или с теми представлениями о загробной жизни, какие существовали у многих примитивных племен Азии и Америки.

Несомненно, «золотой век» Гесиода есть не что иное, как идеализированное воспоминание о родовом строе; в особенности характерны заключительные строки, представляющие легендарных людей золотого века, как предков-покровителей, по смерти превратившихся в добрых демонов, охраняющих своих потомков и заботящихся об их благополучии.

Конечно, этот идеализированный строй общества существовал только в фантазии. Утопические мечтания угнетенных, и в первую очередь рабов, о «золотом веке» скрашивали тяжелые условия их существования и давали материал для построения социальных идеалов и оформления эсхатологических чаяний.

Однако эта утопия возвращения «золотого века» становилась — правда, лишь в религиозном плане — действительностью: несколько дней в году люди проводили так, как некогда круглый год жили в царстве Кроноса. Эта ритуально-праздничная практика поддерживала и оправдывала группирующуюся вокруг нее легенды и представления.

II. К р о н и и и С а т у р н а л и и. В Афинах с незапамятных времен праздновались «Кронии» — праздник в честь Кроноса. Праздник этот был связан с окончанием осенних полевых работ (*frugibus et fructibus jam coactis* — по Филохору у Макробия, *Saturn. I, 10, 22*), он происходил в месяце гекатомбеоне, и в нем принимало участие, главным образом, беднейшее трудовое население, в том числе и в особенности, рабы.

Вот что говорит об этих празднествах римский поэт Акций (цит. у Макробия, *ib., I, 7, 57*). «Большая часть греков и в особенности Афины празднуют в честь Сатурна (Кроноса), и праздник этот называется Кронии. Празднуется он следующим образом: по селам и городам устраиваются веселье пиршества, господа прислуживают своим рабам, отсюда же и наш (т. е. римский) обычай, что господа пируют вместе с рабами.

Следует полагать, что в классическую эпоху Кронии в Афинах носили на себе черты известной патриархальности, и господа в действительности угощали и ублажали своих домашних рабов. В более же позднее время праздник все больше приобретает демократический характер. В римское время Кронии почитались празднеством исключительно рабским.

Греческие источники очень скупы. О культе Кроноса и об аттических Крониях существуют лишь весьма отрывочные и скудные данные. Известно, что обо всем, что касается рабов и вообще бедняков, греки не любили особенно распространяться в литературе. Во всяком случае из этого умолчания никак не следует заключать о незначительности интересующих нас явлений в быту и политической жизни Афин, тем более, что, как увидим ниже, обряды этого праздника свойственны также и некоторым другим общественным празднествам.

Кронии праздновались, сколько мы знаем, кроме Аттики, также и в Фивах¹. Культ Кроноса засвидетельствован, кроме того, для Родоса, Крита, Кирены, Олимпии², где находился древнейший по преданию алтарь этого бога, а также и в некоторых других местах. В Великой Греции вершины некоторых гор назывались Крониями³.

¹ Ps. Plut., *vita Homeri*, 1, 4

² См. RE s. v. *Kronos*. В Олимпии культ Кроноса совершался жрецами, носившими наименование βροταί.

³ M. P. Nilsson, *Griechische Feste*, стр. 37.

В некоторых местах засвидетельствован месяц Крониос¹, что также косвенным образом служит указанием на наличие соответствующего культа.

Наиболее интересной для нас чертой этих празднеств являются необычные отношения рабов и господ—необычайные свободы, предоставлявшиеся рабам на срок продолжительности праздника. Любопытнее всего, что подобные обряды были свойственны не только Крониям. Такого же рода явления отмечаются и в отношении некоторых других общественных празднеств для разных мест Греции. Так, например, в г. Кидонии на о. Крите клароты (крепостные рабы) во время празднования Гермий (празднества в честь бога Гермеса) вели себя, как господа, а последние должны были даже позволять подвергать себя бичеванию.

Исполнявшиеся в честь бога Посейдона и имевшие место в месяце герайстии празднества в Трезене также сопровождались совместными пиршествами и играми рабов и свободных, на которых господа прислуживали рабам.

У Плутарха находим упоминание о том, что аттические Дионисии по тем вольностям, какие позволяют себе рабы, ничем не отличаются от описанных выше Кроний². Критские Гермий Афиней, ссылаясь на «Исторические Достопамятности» Каристия, сам сравнивает с Крониями именно по тому признаку, что на обоих празднествах господа прислуживают своим рабам и слугам.

Такое же сравнение делает он и по отношению к фессалийским Пелориям, празднеству в честь Зевса Пелория (т. е. божества, позднее идентифицированного с Зевсом,—скорее всего именно Кроноса или близкого ему «титанического» божества).

Имя бога уводит нас к глубочайшей древности. В этом имени и связанных с ним представлениях, несомненно, также живы отзвуки легенды о золотом веке. Мифологическая традиция приписывает основание Пелорий «Пелазгу» и связывает их с верованиями древнейших обитателей Греции. Празднества заключались в жертвоприношениях и пиршествах, во время которых хозяева угощали рабов и зашедших на празднество посторонних. К этому дню приурочивали отпуск раба на волю, а также освобождение из плена.

Сопоставлялись Кронии постоянно также и с римскими Сатурналиями, равно как и самые божества Кронос и Сатурн почитались идентичными.

Культ Сатурна и празднование Сатурналий в Риме должны быть отнесены к числу древнейших религиозных установлений. Храм Сатурна на Форуме, частично сохранившийся (будучи дважды перестроен) до наших дней, сооружен Т. Ларцием в 498 г. до н. э. на месте Сатурнова алтаря, поставленного по преданию самим Гераклом³.

В то время, к которому относятся сведения римских и греческих писателей о Сатурналиях, празднование это совершалось по греческому обычаю (graeco ritu). Эллинизация культа Сатурна и его празднеств относится, по мнению многих исследователей, к 217 г. до н. э., когда, по сообщению Ливия, было учреждено жертвоприношение в день празднования Сатурналий в храме Сатурна и лектистерний (установление ложа для изображения божества,—ложе это должны были устанавливать

¹ На острове Самосе и в городе Перинфе, см. Nilsson, стр. 37.

² Plut., Non posse suav. vivi etc.; см. Nilsson, Gr. Feste, стр. 37.

³ Документация у Wissowa, Religion u. Kultus d. Römer, стр. 169, см. также Ch. Hülsen, Forum Romanum, стр. 74.

сами сенаторы). Кроме того были установлены впредь на вечные времена публичные пиршества и народные шествия (карнавал)¹.

Весьма характерны для Сатурналий, как и для Кроний, свободы, предоставлявшиеся рабам, а также обычай обслуживания господами своих рабов во время праздничных пиршеств. Катон (*De agricult.*, 57) в своих предписаниях предусматривает для времени Сатурналий особую выдачу вина рабам.

Сатурналии праздновались в Риме, начиная с республиканских времен, 17 декабря. Празднование продолжалось несколько дней. В эпоху империи продолжительность праздника достигала целой недели. Он был чрезвычайно популярен в самых широких слоях населения. Следовавшие за ним *Calendae Januariæ* праздновались не без влияния Сатурналий, легших также и в основу обрядности позднейшего христианского Рождества. Сатурналии были еще весьма популярны в эпоху поздней империи и праздновались не только гражданским населением Рима и провинций, но и в войске².

Сатурналии, до своего широкого распространения по империи, были городским праздником, точнее—праздником жителей г. Рима. Аналогичным праздником сельского населения и прежде всего занятых в сельском хозяйстве рабов (*familia*) были *Компиталии*,—празднества, связанные с культом ларов, почитавшихся на перекрестках дорог (*compita*). Перекрестки эти служили во время ежегодного праздника местом веселых сборищ. Каждая из принимающих участие в жертвоприношении и празднике *familia* приносила с собой жертвенный пирог. Празднование *Компиталий* сопровождалось играми и пиршествами, причем рабы пользовались теми же преимуществами, что и во время Сатурналий. На *Компиталии* Катон предусматривает также особую выдачу вина.

Празднование *Компиталий* представляло единственный случай вилюку (*vilicus*—управляющий из рабов) совершить жертвоприношение от имени всего дома (*Cato, De agricult.*, 53).

Культе ларов (родовых предков) является древнейшим культом Лация. *Lar familiaris*, покровитель дома, был в особенности, как указывает его эпитет, покровителем домашних рабов³. И с культом ларов, несомненно, были связаны те же представления о родовом строе, о «золотом веке», что и с культом Кроноса. Овидий прямо указывает на то, что обряды, связанные с почитанием домашнего очага, коренятся в древнейших латинских обычаях и что собиравшаяся прежде около очага за столом на длинных скамьях *familia* находилась как бы в присутствии самих богов⁴.

III. К р о н о с - С а т у р н. Древняя этимология в попытках осмыслить непонятное имя бога, приданного в отцы Зевсу, производила это имя от *κρῖνω*—в значении исполнять, равно как и в другом значении—царствовать, для которого было также достаточно оснований в эпитетах божества и связанных с ним мифах.

Новая наука⁵ приняла эту этимологию, хотя она дает очень мало для понимания сущности этого бога, принадлежащего, конечно, «дого-

¹ *Postremo Decembri jam mense ad aedem Saturni Romae immolatum est lectisteriumque imperatum et eum lectisternium satratores straverunt et convivium publicum ac per urbem Saturnalia diem ac noctem clamata populisque eum diem festum habere ac servare in perpetuum iussus. Liv. XXII, 1, 19.*

² Об этом свидетельствует мартиролог св. Дазия, опубликованный *C u m o n t'om*: в *Analecta Bollandiana*, XVI, стр. 5.

³ *H o r a t.*, epod. 2,65 сл.: *Positosque vernas, ditis examen domus, circum ridentes Lares.*

⁴ *O v i d.*, *Fasti*, VI, 305: *Ante focos olim longis considerare scamnis.*

⁵ См. *H. U s e n e r*, *Götternamen*, стр. 3.

меровскому» Олимпу, т. е. предшествующего Зевсу и происходящего из более древнего, возможно «догреческого», пантеона.

Во всяком случае, для греков это был бог, вся сила которого была в прошлом. Свергнутый Зевсом и лишенный им всякой власти, он остался лишь «царем золотого века», да некоторые легенды называли его царем островов блаженных, где жизнь была так же хороша, как некогда в золотом веке.

Так как Кронии являются по времени их совершения сельскохозяйственным праздником, то и самое божество многими из современных ученых было причислено к этому кругу. В этом же смысле пытались истолковать и приданный Кроносу в качестве атрибута серп (кривой меч—*δρέπαλον*). Все эти толкования настолько же шатки, насколько непрочна генеалогическая связь Кроноса с Зевсом. Незогласованность и противоречивость локальных мифов свидетельствуют о том, что связь эта была создана лишь *a posteriori*. Наиболее характерным и определяющим бога признаком является его родство с титанами (царями древних людей—по некоторым древним толкованиям и по мифу, происходящему из Пелопоннеза)¹.

Титаны были повержены Зевсом в тартар в результате долгой борьбы—титаномахии, которую обычно толкуют как отражение борьбы стихийных, естественных сил.

В перипетиях этой борьбы, в характеристике отдельных титанов, в характеристике самого Кроноса как пожирателя собственных детей дают себя чувствовать некоторые «варварские», или атавистические, черты. Усугубляются они тем, что, по отрывочным и смутным данным, засвидетельствованным прямо и точно лишь для о. Родоса (*Porphyg., de abstin.*, 2, 54), Кроносу приносились человеческие жертвы. То смягчение обряда жертвоприношения, какое мы наблюдаем на острове Родосе (где Кронии праздновались 6-го Метагейттиона, т. е. зимой, и где приговоренного к смерти преступника сохраняли до этого дня и затем убивали за городскими воротами у храма Артемиды Аристобулы), вероятно, имело место и в других пунктах. Воспоминанием о нем служат лишь вышеупомянутые сказания о съедении им собственных детей.

Сатурн—одно из очень древних италийских божеств, возможно не латинского происхождения. Легенда считает его пришельцем из-за моря, другая версия производит Сатурна от сабинян—имя его, вероятно, в порядке народной этимологии, на одной из архаических латинских надписей на сосуде читается: *Saeturnus*², что и заставляет древних, как и новых авторов считать его божеством сельскохозяйственного круга, чему соответствует и дата Сатурналий: вторая половина декабря—по окончании осенних полевых работ.

Имя бога, в результате исследований, производившихся в новейшее время над латинскими собственными именами, выясняется как этрусское или, во всяком случае, происходящее от этрусского родового имени *Saterna*³. Мы бы сказали, что оно принадлежит совместной (до-этресской и до-латинской) италийской стадии развития религиозных представлений и языка, когда племенная рознь была не столь резкой, а языки, может быть, не столь еще различны.

С именем Сатурна связано представление о древнейшем латинском стихотворном метре—*versus saturnius*, названном так, видимо, именно

¹ Preller-Robert, *Gr. Mythologie*, 1, стр. 45, прим. 3.

² См. *C I L*, 1, 48: *Saeturni pocolom*.

³ Herbig, *Religion d. Etrusker*, «Abhandl. d. Schlesischen Gesellschaft d. Volkskunde», т. XXIII (1922), стр. 11.

потому, что он возник из религиозного ритуала, как стихотворно-ритмическое выражение заклинаний, молитв и т. п. В этом размере исполнялись религиозные песни народных празднеств италийских племен, он употреблялся и на свадьбах для составления шуточных песен, на этот раз под названием *Fescennini versus*, т. е. как стих, происходящий из южно-этрuscoго *Fescennium*'а. Как ни толковать эту этимологию, к этрускам его ведут также связи с заимствованными у них римлянами официальными празднествами, например с *ludi saeculares*. Стих этот, прежде чем стал литературной формой в руках Ливия Андроника и Невия, встречается нам в молитвах арвальских братьев (обращение к ларам) и чувствуется в тексте игувийских таблиц¹. Наименование «сатурнический» следует понимать в смысле его древности и простонародности, его связи с народными религиозными празднествами, с культом ларов, сельскохозяйственными праздниками и обрядами,—вообще с древнейшей религией Сатурна².

Некоторые современные ученые³ отказываются понять, почему собственно древние так упорно настаивали на идентичности Сатурна и Кроноса. Римская легенда о Сатурне совершенно не связывает его с греческой теогонией и не устанавливает никакой генеалогической связи между ним и Юпитером.

Однако причины этого отождествления будут нам совершенно ясны, если мы вспомним, что легенда считала Сатурна (подобно Кроносу) царем древнейшего италийского населения⁴. Легенда сообщала даже об особом сатурновом периоде латинской истории, о древнейшем сатурновом населении Рима и Лация, жившем вольно и благочестиво. К этому населению, к этим предкам возводит Варрон простые и честные нравы (*Varro, ib.*). В особенности среди беднейшего и рабского населения были живы сказания о блаженной жизни в эпоху золотого царства Сатурна, когда господствовало всеобщее равенство и свобода, когда еще никто и понятия не имел о рабстве, когда не было бедняков и слуг⁵. Все эти блага «исчезли» вместе с Сатурном и другими благодетельными царями-богами глубокой старины, каким был, например, близкий по связанным с ним представлениям и по срокам его празднеств Янус⁶.

Из всего вышесказанного явствует, что Сатурн у древних римлян, подобно Кроносу греков, был божественным царем «золотого века» и носителем идей блаженной жизни, лишенной подневольного труда, рабства, голодной бедности и расточительного богатства.

Подобные представления были связаны у римлян с родовым бытом, судить о котором мы можем по остаткам древнеиталийских родовых поселений на террамарах (укрепленных свайных постройках). Поселения эти, распланированные по всем правилам этрусско-латинского *templum*'а (с проведением главной улицы *cardo* и пересекающих ее декуманов), напоминают позднейший римский военный лагерь, производя впечатление чрезвычайной строгости и единообразия. Жилища-мазанки, находимые на террамарах, их бронзовый инвентарь и глиняная посуда не позволяют установить никаких имущественных различий среди обитателей. Единообразие быта и социальное равенство подчеркиваются впечатлением от некрополей террамар, располагавшихся обычно в непосредствен-

¹ Fr. Leo, *Geschichte d. Römischen Litteratur*, I, стр. 19.

² *Ib.* 16 стр.

³ Wissowa, *Religion u. Kultus d. Römer*, стр. 170.

⁴ Varro, *De r. rust.* III, 1,5: *ex stirpe Saturni regis.*

⁵ Данные у Preller-Jordan, *Röm. Myth.* II, ст. 13, 4.

⁶ См. у Овидия *Fasti*, 1, 198 след. картину древнеримской жизни «при царе Сатурне» и критику современного автору уклада.

ной близости от последних, на таких же точно помостах, как и сами террамары. Погребения (кремация) в простых глиняных урнах, почти без каких бы то ни было приношений, расположенные рядами, в чрезвычайной тесноте, иногда в несколько ярусов, создают чрезвычайно яркую картину равенства перед смертью—представление, продиктованное, несомненно, основанными на таком же точно равенстве условиями жизни. Поскольку генетическая связь культуры террамар с культурой типа «Вилланова», из которой развился исторический Лаций, может считаться твердо установленной, террамары могут быть нами смело привлечены в качестве свидетельства о родовом быте древних римлян. А что их собственные воспоминания восходили именно к террамарам, об этом кажется свидетельствует первоначальное значение слова pontifex (жрец), т. е. строитель или блюститель того помоста (pons), на котором возводилось италийское родовое поселение, с его культовыми местами и его некрополем¹.

Исполнявшиеся в честь бога Сатурналии—популярнейший до времен средневековья народный праздник в пределах всей империи, подобно аттическим Крониям, были прежде всего праздником рабов и беднейшего населения, содержанием которого являлось воспоминание о счастливом времени родового строя, возвращение под эгиду Сатурна к жизни, не знающей рабства и социального неравенства.

Во время Сатурналий было принято дарить друг другу, наряду с разнообразными подарками, также и терракотовые человеческие фигурки (oscilla, sigillaria).

Эти oscilla, уже по мнению древних, представляли собой вотивы, замещающие практиковавшиеся в глубокой древности человеческие жертвоприношения (Macrob., Saturn. I, 7, 28 сл.). Многие считали также, что гладиаторские игры посвящались преимущественно Сатурну², обстоятельство, позволяющее смотреть на них так же как на переживание древнего обряда человеческих жертвоприношений.

На основании всех этих совпадений греки и римляне безошибочно отождествляли своих богов, Кроноса и Сатурна.

IV. Культ «Кроноса» в Сев. Африке и на Ближнем Востоке. Мы уже отмечали, что греческие авторы чрезвычайно скупи в отношении Кроноса, его культа и его празднеств—они сообщают о нем очень незначительные данные. Из этих данных явствует, что храмы Кроноса или вообще официальные места его культа—редки.

Казалось бы, это божество—мало популярное, занимающее определенное место лишь в теогонии, разрабатывавшейся орфиками или антикварами-мифографами, да почитавшееся в некоторых пунктах, где культ его, видимо, сохранился как пережиток со времени глубокой древности. Однако широкое распространение праздника Сатурналий в римской империи, даже на греческой периферии, популярность среди беднейшего населения и рабов легенд о золотом веке заставляет предполагать широкую популярность самого божества—носителя всех этих идей и обрядов.

Нам кажется в подтверждение этого предположения может быть выставлен еще один аргумент.

Восточные народы, жившие на территории Римской империи, в греческой ее части, охотно отождествляли свои весьма популярные божества с «непопулярным» Кроносом. Так, например, в Карфагене «Кроносом» называли своего Баал-Хаммана³, культ которого требовал человеческих

¹ Ср. D u h n, Italische Gräberkunde, I, стр. 119.

² Preller-Jordan, Röm. Myth., II, стр. 17, прим. 3.

³ W. Roscher, Myth. Lexicon, I, s. v.

жертвоприношений. О том, что отождествление Кроноса с Баалом было общепринятым и широко распространенным, свидетельствует большое количество египетских стел, с посвящениями Кроносу¹ и с его изображениями по греческому образцу, происходящих из Сев. Африки. Незоменно, что отождествление этих чужеродных божеств шло не только по линии поисков сходственных культовых черт, в данном случае человеческих жертвоприношений, — человеческие жертвы знали в Греции и другие божества, к тому же значительно более «популярные», чем Кронос. Так что отождествление Баала именно с Кроносом предполагает, очевидно, перенесение на него всего комплекса представлений, связанных с его культом, и это могло произойти лишь в определенной среде, — и именно в той, в которой мог быть популярен Кронос с его легендами о золотом веке и с его престолярно-рабскими праздниками.

Еще более любопытно и важно в интересующей нас связи отождествление Кроноса с сирийским Элом, в греческой передаче Гелием — солнечным богом. Это отождествление также подтверждается эпиграфическим, а кроме того, ряд древних рукописей, трактующих о сирийском солнечном боге, в отдельных экземплярах вместо «Ἡλιος дают Κρόνος» и наоборот. Эта подмена указывает на равнозначность для переписчиков того и другого имени в каком-то определенном смысле.

Эту же идентификацию Кроноса с Элом находим мы и у Филона Библиоского, причем в филоновом тексте речь идет о жертвоприношении Кроносом своего собственного сына, в качестве которого в культовых актах фигурировал, очевидно, человек.

Подобный «синкретизм» не мог не оказывать обратного действия. Не только римские Сатурналии, распространяясь по империи на восток, романизировали местные культы, но и местные божества и связанные с ними культовые действия, попадая в круг римских Сатурналий, ориентализировали их, налагали на них кое-чем восточный отпечаток. В особенности сильно эти восточные влияния должны были дать себя чувствовать в эпоху поздней империи, когда процент легионеров восточного происхождения в римской армии был очень высок.

В 303 году н. э. в г. Дуросторуме (поздн. Силистрия), провинции Нижней Мезии, солдаты стоявшего там легиона праздновали Сатурналии. Праздник начинался 18 ноября и продолжался 30 дней⁴.

В правила римских Сатурналий входило, между прочим, избрание на все время празднования шуточного «царя сатурналий», так наз. rex bibendi, которому все участники праздника должны были беспрекословно подчиняться. Шуточный царь являлся как бы олицетворением на пиру самого царя Сатурна.

Легионеры в Силистрии также избирали «царя сатурналий», однако, вопреки римским обычаям, но в соответствии с обрядом некоторых восточных празднеств, избранный ими «царь» по прошествии месячного срока празднеств должен был добровольно умереть на алтаре Сатурна.

Царем сатурналий в 303 г. оказался христианин, по имени Дазий, который в последний момент отказался от этого ритуального самоубийства, предпочтя ему смерть христианского мученика. По распоряжению легионного начальства он был схвачен и убит у алтаря Сатурна в назначенный срок.

¹ Roscher, s. v. Kronos, а также RA т. XXI (1925), стр. 258 сл.

² E. Boll, Kronos-Helios, AR, т. XIX, стр. 342, надпись из Бейрута — Κρόνος Ἡλιος Ζεφρός

³ Данные в указанной статье E. Boll, стр. 344.

⁴ F. Cumont, Acta Sancti Dasii, «Analecta Bollandiana», XVI, стр. 5 сл.

Таким образом, в начале IV ст. в римской провинции Мезии Сатурналии обнаруживают столь грубые и «варварские» черты, о которых едва позволяют подозревать для весьма отдаленного прошлого такие рудименты, как упоминавшийся обычай дарить в день праздника в Риме терракотовые человеческие фигурки, или такие аналогии, как ритуальное убийство в честь Кроноса приговоренного к смерти преступника на о. Родосе.

Первым днем Сатурналий в Силистрии было 18 ноября (в отличие от римских Сатурналий, начинавшихся 17 декабря, т. е. через месяц). 18 ноября—это день нового года по сирийско-финикийскому календарю и день праздника в честь сирийского бога солнца Эла.

Принимая это во внимание, исследователь силистрийских Сатурналий В. Вебер считает этот праздник совершенно отличным от Сатурналий римских и ведет их начало от культа сирийского Гелия-Эла, подобного карфагенскому культу Баала, также, как мы знаем, отождествлявшегося с Кроносом¹.

Пользуясь этими аналогиями, позволяющими протянуть связь между греческими корнями и римскими Сатурналиями, английский историк и этнолог Дис. Фрезер предложил в свое время знаменательную теорию, изложенную в его сочинении «Золотая ветвь».

Теория эта заключается в следующем: многие народы древности, а также многие малокультурные народы современности совершают в начале или в конце сельскохозяйственных работ праздник, ритуал которого приближается к ритуалу римских Сатурналий. Существо этого праздника состоит в том, что он опрокидывает на срок его продолжительности сложившиеся социальные установления, допускает всевозможные «свободы» и излишества. Праздник имеет своего главу или «царя», который является персонификацией царской и божественной власти. По окончании праздника он приносится в жертву (убивается) тому богу, которого он персонифицирует. По теории Фрезера, для подкрепления ее привлекшего огромный сравнительный этнографический материал, в жертву должен быть приносим реальный царь или жрец, но в древневосточных государствах, где мы наблюдаем подобные жертвоприношения, убивается не царь, а его «заместитель», назначаемый из приговоренных к смерти преступников, на время праздника облакаемый в царское платье и пользующийся всеми царскими почестями. По окончании праздника его разоблачают, мучают и убивают. Жертва эта является в основе своей магической, она приносится во искупление царя, для благополучия дальнейшего его царствования и для процветания самого царства.

Все эти религиозные представления и культовые действия легли, по мнению Фрезера, в основу христианского культа, а распятие Христа является не чем иным, как ритуальной казнью шуточного «царя» сатурналий².

Теория Фрезера, основанная на громадном сравнительно-историческом и этнографическом материале, удовлетворительно объясняет Сатурналии и аналогичные им обряды как пережитки варварства. Но это объяснение не может удовлетворить историка. Гораздо важнее установить, каким изменениям подверглись эти старинные обряды, возникшие при первобытно-общинном строе общества, в новых условиях существования

¹ W. Weber, Das Kronosfest, AR, XIX, стр. 316.

² Еще до Фрезера, по опубликовании Кюмоном мартирологии св. Дазия, подобные же соображения высказал Вендланд в статье Jesus, als Saturnalienkönig, «Hermes», XVI.

классового общества, какие новые идеи стали с ними связываться, каковы были их новые социальные функции.

Представление о Сатурне и Сатурналиях всегда было связано в древности с большими вопросами социального неравенства, антагонизма между рабами и рабовладельцами, бедняками и богачами.

Добывавшиеся равенства бедняки должны были получить его хотя бы на считанные лишние часы во время празднеств. Цезарь удлинил Сатурналии до трех дней, Август прибавил к ним еще три. К этим шести дням присоединялся день сигиллярий (день даренья глиняных фигурок) и таким образом Сатурналии растянулись на целую неделю. Поскольку праздники состоят в том, что бедные должны были почувствовать себя на равной ноге с богатыми не только в моральном, но и в грубо материальном отношении, эти побрякушки, делавшиеся государством беднякам, накладывали на богатых определенные обязательства, которые ими, видимо, далеко не всегда выполнялись с необходимой добросовестностью.

Этой стороне Сатурналий посвятил Лукиан свой диалог «Кроносолон», в котором он излагает жалобы бедняков и диктует «законы» богачам. Лукиан трудно заподозрить в каких-либо крамольных намерениях. Он всегда искал расположения римской императорской власти, и его политические сатиры не шли далее личных счетов и общей морализирующей тенденции¹.

Как человек, пишущий более для богатых, чем для бедных, Лукиан старается занять примирительную позицию, не скрывая, однако, от своих читателей серьезность темы, иногда же, правда лишь от имени Сатурна, отваживаясь даже на угрозы.

Прежде всего он снимает с Сатурна всякую ответственность за происходящее: царство Сатурна — не от мира сего (даже вопросы теогонического характера хоть и интересны, но неуместны), а когда он царствовал над миром, тогда и мир был иным. Если же он сочувствует рабам, то это, вероятно, потому, что он сам был некогда рабом, сам был закован в цепи. За все происходящее на свете ответственен Юпитер, наделяемый Лукианом столь человеческими чертами, что образ его вызывает ассоциации с земной, а отнюдь не с небесной властью (L u c., Saturnalia, I, passim).

Сатурн издает законы, действующие лишь в период его праздника. Эти законы должны быть известны всем и соблюдаемы всеми, в особенности богатыми. Если же, инструктирует он своего жреца, «богатые преступят эти правила, скажи им, что я не напрасно ношу мой кривой меч. Я был бы нелепым богом, если, после того как я скопил моего отца Урана, я не сделаю то же со всеми богачами, которые пренебрегают моими законами. Низведенные до позорного положения евнухов, они будут собирать милостыню для матери богов, играя на флейте и потрясая кимвалами».

«Законы» сводятся к некоторым обязательствам богатых по отношению к бедным. Среди них есть и такие: «Богатые простят своим друзьям-беднякам их долги и плату за жилище, которую они должны, но не в состоянии уплатить. Вообще они (т. е. богатые) должны заранее осведомиться, каковы могут быть нужды их друзей».

Излагая жалобы и обиды бедняков в письме к Сатурну, Лукиан не жалеет красок и пафоса для изображения не только их бедственного положения, но и их глубокого и опасного недовольства. Бедняк заявляет, что, мучимый голодом, отсутствием всяких средств к существованию, он страдает особенно остро и нестерпимо при виде чужой роскоши

См., например, его диалог: «Как следует писать историю».

и богатства. «О, Сатурн, или измени условия нашего существования и учреди равенство, или, как последняя мера, прикажи богачам не пользоваться одним столькими благами; из стольких медимнов золота пусть они уделят нам хотя бы малую толику и чтобы уступили нам те из гиматиев, которые обречены на съедение молью»¹.

В ответе своем на эти призывы, которые он признает совершенно справедливыми, Сатурн заявляет, что он именно и покинул власть, как нечто не соответствующее его морали: «так как я познал многие из зол, связанных с богатством и с могуществом, то я отказался от власти и хорошо сделал»².

В письме Сатурна, обращенном к богачам, Лукиан убеждает богачей в том, что они в своих же интересах должны сделать толпу благодарным свидетелем их богатств и благосостояния.

Никто не будет любоваться их богатствами, если они будут богаты только для самих себя. Пусть толпа восхищается их вазами, пусть, сидя за их столами и желая им здоровья, пьет из прекрасных и дорогих чаш, пусть восхищается нанесенными на них древними изображениями, количеством золота и тонкой работой мастера. Тогда они услышат себе похвалу, тогда их будут величать друзьями человечества, и тогда они будут свободны от зависти со стороны бедняков.

Нарисовав эту филантропическую картину, Лукиан принимает более серьезный тон при повторении указанных уже нами выше просьб бедняков. Он считает эти просьбы крайне умеренными. В самом деле, как могут бедняки праздновать и радоваться, если они зябнут от холода и умирают с голода? А ведь этот праздник — единственное их утешение и единственное умиротворение в их злобе и ненависти против богачей. Богачи заинтересованы сами в том, чтобы бедняки были веселы и удовлетворены праздником Сатурналий. И если они хотят, чтобы бедняки праздновали, то пусть подчинятся Сатурну и отдадут им на праздник из своих излишков грубые и старые одежды и кое-какие гроши. «Если вы это сделаете, то бедняки обещают не спорить с вами перед Юпитером из-за богатств, если же нет, то они угрожают требованием передела имущества»³.

Реальность угрозы, звучащей в этих словах, не может быть смягчена риторикой и никакими сатирическими прикрасами и маскировками. И Лукиан, несомненно, гораздо серьезней, чем он хочет показаться своему читателю. Последнее слово в переписке Сатурна он предоставляет именно богачам, изобличающим бедняков в несносности, в неумение себя держать в невоздержанности, алчности и т. п. В заключение они все же обещают исполнить Сатурновы требования по части одежды и денег, и таким образом мир как бы восстановлен.

Жалобы бедняков, заглушенные формой риторического памфлета, звучат все же слишком громко, чтобы их нельзя было не принять за самую чистую монету.

Как бы то ни было, Лукиан был единственным человеком своего времени, который в доступной ему, мягкой и весьма завуалированной, форме коснулся очень большого вопроса, при этом коснулся гуманно, тонко и явно в интересах тех людей, о которых другие писатели его эпохи и его круга позволяли себе говорить лишь с презрением и в самых скупых словах.

Произведение Лукиана — прекрасное свидетельство того факта, что рабовладельческое государство стремилось направить сатурнические идеи

¹ Luc., Epist. Sat., I, 21 (цит. по Epistol. gr., стр. 393).

² Luc., Epist. Sat., II, 27 (Epistol. gr., стр. 395).

³ Для смягчения впечатления этой угрозы, звучащей, может быть, чересчур реально, Лукиан прибавляет: ἐπίδαν το πρῶτον δίξας ὁ Ζεὺς πρὸς τὸν Luc., Epist. Sat. III, 31 (Epistol. gr., стр. 396).

по определенному безопасному руслу, старалось сделать их отдушиной недовольства и чаяний обездоленной части общества. Это было то средство, благодаря которому можно было создать для бедных и для богатых видимость «социального мира», необходимого равно как тем, так и другим; первым для того, чтобы не так горько переносить свои лишения, вторым для того, чтобы спать спокойней. Но из того же произведения Лукиана мы видим, что с Сатурналиями связаны были идеи, отражавшие в уродливой форме социальные чаяния «трудящихся и обремененных». Они поэтому могли, как это предполагают С. Рейнак, Фрезер, Робертсон и др., войти составной частью в культ и вероучение раннего христианства, бывшего одним из наиболее демократических религиозных движений в Римской империи.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ